

Сказки Гауфа. Стинфольская пещера (Шотландская легенда)

Много лет тому назад на одном из скалистых шотландских островов жили в мире и согласии два рыбака. Оба они были холостые, родни у них тоже не было, а общая, хотя и не одинаковая, работа кормила обоих. По возрасту они были близки друг к другу, зато по облику и характеру столь же далеки, как орел от тюленя.

Каспар был толстенный коротышка с круглым, как луна, широким и жирным лицом, с добродушным веселым взглядом, казалось, далеким от печали и забот. Он любил поспать, был не только жирен, но и ленив, поэтому на его долю приходилась домашняя работа: он варил и пек, плел сети, как для собственного употребления, так и на продажу, обрабатывал большую часть их маленького поля. Его товарищ был полной его противоположностью; высокий и тощий, с ястребиным носом и смелым острым взглядом, на окрестных островах он прослыл самым деятельным и удачливым рыбаком, самым предприимчивым охотником за морскими птицами и их пухом, самым трудолюбивым земледельцем, а на рынке в Кирхуэле к тому же еще и самым жадным до денег торговцем, но товар у него был хороший, и торговал он без обмана, поэтому все охотно у него покупали. И

Вильм Коршун и Каспар Колпак (так прозвали их в округе), с которым первый, при всей своей жадности, охотно делил тяжелым трудом заработанные деньги, не только были сыты, но находились на верном пути к известному достатку. Но Коршуну при его корыстолюбии просто достатка было мало. Он хотел разбогатеть, разбогатеть по-настоящему, и, когда он понял, что трудолюбием богатства не так-то легко нажить, он вбил себе в голову, что ему поможет какой-нибудь необычайный счастливый случай, и поскольку теперь эта мысль завладела его беспокойным умом, он уже не мог думать ни о чем другом и уже как о решенном говорил об этом с Каспаром Колпаком. А для Каспара то, что говорил Вильм Коршун, было непререкаемой истиной, вот он и пересказал все соседям, и вскорости пошел слух, будто Вильм Коршун не то уже продал душу дьяволу, не то получил такое предложение от князя тьмы.

Сперва Коршун смеялся над подобными слухами, но мало-помалу сжился с мыслью, что тот или иной дух откроет ему, где спрятан клад, и он уже не возражал, когда соседи над ним подшучивали. Он, правда, все еще занимался прежними своими делами, но уже не с прежним рвением и часто зря терял время, которое раньше потратил бы на рыбную ловлю или на какую другую полезную работу, в бесплодных поисках удачного случая, который поможет ему сразу разбогатеть. К несчастью, однажды, когда он стоял на безлюдном берегу и с твердой надеждой взирал на волны морские, словно оттуда ему должно привалить огромное счастье, большая волна, отхлынув обратно, оставила на берегу у его ног среди смытого мха и камешков желтый шарик – шарик золота.

Вильм стоял как завороченный; так, значит, его надежды не пустые мечтания, море подарило ему золото, прекрасное чистое золото, вероятно, остаток большого слитка, на дне морском обточенного волнами до величины ружейной пули. И теперь ему стало ясно, что некогда где-то здесь, у этого берега, затонул корабль с богатым грузом и что ему, именно е м у, предназначено судьбой поднять с морского дна похороненное там сокровище. С этого дня это стало его единственной думой. Он тщательно скрывал свою находку даже от друга; опасаясь, как бы кто другой не напал на след его открытия, он забросил все свои

дела и проводил и дни и ночи на том берегу, где не рыбу ловил сетью, а собственноручно для этого изготовленной им лопатой пытался выудить клад. Но привело это только к бедности, ведь сам он теперь ничего не зарабатывал, а сонный и медлительный Каспар Колпак, при всем старании, не мог своим трудом прокормить обоих. В погоне за сокровищем исчез не только найденный им кусочек золота, но постепенно все добро обоих холостяков. Как прежде Каспар молча предоставлял Вильму зарабатывать на сытую жизнь, так и теперь молча и безропотно сносил он то, что из-за бесцельных трудов своего друга терпит нужду, и такое кроткое долготерпение Каспара только пуще подстегивало Вильма не прекращать неустанных поисков богатства, но еще больше не давало ему уgomониться то, что, как только он ложился спать и глаза его смыкались в дремоте, на ухо ему будто кто-то шептал, казалось ему, всегда одно и то же, явственно слышное слово, но, проснувшись, он так и не мог его припомнить. Он, правда, не знал, как это странное обстоятельство связано с одолевающими его теперь заботами, но при его умонастроении все оказывало на него свое действие, и это таинственное нашептывание укрепило его веру в то, что ему предопределено судьбой великое счастье, а он надеялся обрести его только в куче золота.

Однажды на берегу, где он нашел золотой шарик, его застала такая сильная буря, что он укрылся в ближайшей пещере. Эта пещера, которую местные жители называют Стинфольской, образует длинную подземную галерею, открытую в двух местах свободному доступу морских волн, и они, непрерывно с громким ревом, пенясь врываются в пещеру. Проникнуть в эту пещеру можно только в одном месте и только через расселину сверху, которой, кроме отчаянных мальчишек, редко кто пользовался, всех отпугивали не только опасности, связанные с самим местоположением, но и слава о том, что в пещере нечисто. С трудом протиснулся Вильм через расселину, спустился приблизительно на двенадцать футов и устроился на выступающем камне под нависшей скалой. Под ногами у него с ревом перекатывались волны, над головой шумела буря, а он опять предался обычным своим размышлениям о затонувшем корабле и что

за корабль это мог быть, ведь, несмотря на все расспросы, он ни от кого из местных жителей, даже от старожил, не мог получить сведений о корабле, когда-либо затонувшем на этом месте. Сколько времени он так просидел, он и сам не знал; когда же очнулся от своих грез, он увидел, что буря прошла, и хотел подняться наверх, но тут из глубины до него долетел чей-то голос и совершенно явственно прозвучало слово «Кар-мил-хан». В испуге вскочил он и посмотрел в пучину, где не было никого. «Господи боже! – воскликнул он. – Это же то слово, что преследует меня во сне! Ради всего святого, что оно значит?» «Кармилхан», – еще раз вздохнула бездна морская, когда он уже вытащил одну ногу из расселины; и, как испуганная лань, помчался он к своей хижине.

Но Вильм не был трусом, – просто все произошло слишком неожиданно, да и очень уж корыстолюбив он был, и никакая опасность не могла отпугнуть его и принудить сойти с избранного им опасного пути. Однажды, когда он поздней ночью при лунном свете, причалив лодку как раз против пещеры, пытался своей самодельной лопатой выудить сокровище, лопата вдруг в чем-то застряла. Он потянул со всей мочи, но все его усилия были тщетны. Тем временем подул сильный ветер, темные тучи обложили небо; лодку сильно качало, и в любую минуту она могла перевернуться; но Вильма Коршуна это не смутило, он тянул и тянул, наконец ему удалось одолеть сопротивление, и, не ощущая никакой тяжести, он подумал, что оборвался канат на лопате. Но как раз в ту минуту, когда тучи заволакивали луну, на поверхности воды появилась круглая черная масса и прозвучало давно уже преследовавшее его слово: «Кармилхан»! Он поспешил схватить эту темную массу и уже протянул руку, но ночная тьма тут же поглотила ее, а Вильму от вдруг разразившейся бури пришлось укрыться под ближайшей скалой. От усталости он там заснул, но и во сне, терзаемый неудержной силой воображения, он снова переживал те же муки, что терпел днем из-за не покидавшей его алчности.

Когда Коршун проснулся, первые лучи восходящего солнца падали на уже успокоившуюся водную гладь. Он хотел опять приняться за привычную работу, как вдруг увидел, что издали приближается

какой-то предмет. Вскоре он разглядел лодку, а в ней человека. Но что его удивило, – лодка шла вперед без ветрила и весел, и притом носом к берегу, а сидевший в ней человек как будто и не думал о руле, да и был ли там вообще руль. Лодка подходила все ближе и наконец остановилась у лодки Вильма. Там с закрытыми глазами, недвижимо, как покойник, сидел высохший сморщенный старичок в желтой холщовой одежде и в красном торчащем вверх ночном колпаке.

Напрасно Вильм кричал, напрасно расталкивал его, и тогда он решил привязать к лодке канат и отвезти ее, но тут старичок открыл глаза и зашевелился, да так, что даже храброго рыбака объяла жуть.

– Где я? – глубоко вздохнув, спросил старичок по-голландски. Вильм Коршун, научившийся от голландских ловцов сельдей понимать их язык, назвал остров и спросил, кто он и что привело его сюда.

– Я приехал взглянуть на «Кармильхана».

– На «Кармильхана»? Ради бога, скажите, что это? – воскликнул алчный рыбак.

– Я не отвечаю на вопросы, когда мне их так задают, – явно испугавшись, возразил старичок.

– Ну, так что же такое «Кармильхан»? – крикнул Коршун.

– «Кармильхан» теперь уже ничто, но в свое время это был красивый корабль, с таким огромным грузом золота, какой едва ли был на каком-либо другом корабле.

– Где и когда он затонул?

– Сто лет тому назад, а где – я точно не знаю. Я здесь, чтобы отыскать это место и выудить со дна золото; помоги мне, и мы поделим находку, хочешь?

– Всей душой хочу, скажи только, что я должен делать?

– То, что ты должен делать, требует мужества; ты должен незадолго до полуночи пойти в самую дикую и пустынную часть острова, взяв с собой корову, там ты ее зарежешь, но предварительно договорись с кем-нибудь, чтобы он завернул тебя в содранную коровью шкуру, а затем ушел, оставив тебя одного, и не пройдет и часа, как ты узнаешь, где лежат сокровища «Кармильхана».

– Таким же путем сын старого Энгроля погубил тело и душу! – в ужасе воскликнул Вильм. – Ты нечистый! – крикнул он, быстро гребя прочь. – Ступай к себе в преисподнюю! Я не хочу иметь с тобой дела!

Старичок, заскрежетав от злости зубами, посылал ему вслед ругательства и проклятия, но до слуха рыбака, взявшегося за весла, его голос уже не долетал, а когда Вильм обогнул скалу, старичок исчез и из его поля зрения.

Однако открытие, что злой дух хотел использовать его жажду стяжательства и, обещав золото, заманить в свои сети, не излечило ослепленного рыбака, наоборот, он подумал, что теперь он сам воспользуется сообщением желтого старичка, не отдаваясь в руки дьяволу; итак, он продолжал поиски золота у пустынного берега, пренебрегая сулящими достаток богатыми уловами у других морских берегов, да и вообще всякой работой, хотя прежде отличался трудолюбием. Теперь они с другом день ото дня терпели все большую и большую нужду, так что под конец им уже не хватало самого насущного. И хотя это надо было приписать исключительно упрямству и алчности Вильма Коршуна, хотя пропитание обоих целиком лежало теперь на Каспаре Колпаке, тот никогда ни в чем не упрекал Коршуна; больше того, он все так же выказывал ему покорность, все так же верил в превосходство его ума, как и прежде, когда Вильму Коршуну давалось все, за что бы он ни взялся. Это обстоятельство сильно усугубляло страдание Вильма, но оно же побуждало его к еще более упорным поискам золота, он надеялся, что в дальнейшем сможет вознаградить друга за теперешние лишения. К тому же во сне его все еще преследовало дьявольское нашептывание слова «Кармильхан». Коротко говоря, нужда, обманутое ожидание и жадность довели его до своего рода безумия, и в конце концов он решил сделать то, к чему склонял его старичок, хотя из давнего предания и знал, что это значит самому отдать себя во власть князю тьмы.

Все уговоры Каспара были напрасны. Чем больше он упрашивал друга отступить от его отчаянного замысла, тем горячее настаивал тот на своем. И добрый слабыхарактерный Каспар Колпак в конце концов сдался и согласился пойти с ним и помочь

ему выполнить задуманное. У обоих холостяков больно сжалось сердце, когда они обмотали веревкой рога красивой коровы, их последнего достояния, которую они вырастили из теленка и никак не решались продать, потому что не могли примириться с мыслью отдать ее в чужие руки; Но дьявол, взявший власть над Вильмом, задушил в его сердце все добрые чувства, а Каспар своему другу ни в чем не перечил. Шел сентябрь, начались уже долгие ночи шотландской зимы. Облака, гонимые резким вечерним ветром, тяжело катились по потемневшему небу, громоздясь, как айсберги в стрёме, густые тени залегли в ущельях между горным хребтом и сырыми торфяными болотами, смутно видные русла рек устрашали, как черная тьма адских бездн. Коршун шел впереди, а Каспар Колпак, содрогавшийся при мысли о собственной смелости, следом, и слезы навертывались ему на глаза всякий раз, как он взглядывал на бедную корову, которая доверчиво шла за ними, не ведая, что идет навстречу близкой смерти от руки человека, до тех пор кормившего ее. С трудом добрались они до узкой болотистой горной долины, кое-где поросшей мхом и вереском, усеянной большими камнями и опоясанной недосыгаемыми горами, терявшимися в клубах тумана и почти недоступными для человека. По болотистой, уходящей из-под ног почве подошли они к большому камню посреди долины, с которого с громким клекотом взлетел испугнутый орел. Бедная корова глухо замычала, словно почуяв, какое это страшное место и какая ее ждет участь. Каспар отвернулся и утер ручьем бегущие слезы. Он глянул вниз, в скалистое ущелье, откуда они поднялись, оттуда долетал далекий шум прибоя, а потом глянул вверх, на горные вершины, на которые спустились черные тучи, оттуда временами доносились глухие раскаты. Когда он посмотрел на Вильма, тот уже привязал корову к камню и занес над бедняжкой топор.

Этого Каспар не выдержал, подчиниться воле друга казалось ему невыносимым. Ломая руки, с отчаянным воплем упал он на колени.

– Ради бога, Вильм Коршун! Пожалей себя, пожалей корову! Пожалей себя и меня! Пожалей свою душу! Пожалей свою жизнь! А если уж ты не боишься искушать бога, то подожди до завтра и лучше принеси в жертву другое животное, а не нашу ласковую коровушку!

– Каспар, да ты с ума сошел! – как обезумевший завопил Вильм, все еще не опуская топора. – Прикажешь мне пожалеть корову, а самому помереть с голоду?

– Ты не помрешь с голоду, – решительно ответил Каспар. – Покуда у меня есть руки, ты не помрешь с голоду. С утра до ночи буду я для тебя трудиться. Только не лишай свою душу вечного блаженства и не убивай нашу бедную корову!

– Тогда возьми топор и разmozжи голову мне! – с отчаянием в голосе крикнул Вильм Коршун. – Я не сойду с этого места, пока не получу того, что мне надо. Ты можешь добыть для меня сокровища «Кармильхана»? Можешь своими руками заработать больше, чем на самую скудную жизнь? Но ты можешь своими руками положить конец и моим терзаниям. Вот топор, принеси в жертву меня!

– Вильм, убей корову, убей меня! Мне ничего не жаль, мне жаль только твою бессмертную душу. Ведь это же алтарь пиктов, и жертву ты принесешь князю тьмы.

– А что мне до того! – закричал Коршун, хохоча, как безумный, и твердо решив не слушать никаких доводов, никого, кто может отговорить его от раз им задуманного. – Каспар, ты помешался, с тобой помешаюсь и я. Но вот, – продолжал он, отбросив топор и взяв с камня нож с таким видом, будто собирается воткнуть его себе в грудь, – пусть вместо меня у тебя останется корова! Во мгновение ока Каспар подскочил к нему, вырвал у него из рук смертоносное оружие, схватил топор, замахнулся и с такой силой опустил его на голову любимой им коровы, что она, даже не вздрогнув, мертвой упала к ногам хозяина.

Тут же сверкнула молния, загредел гром, а Вильм Коршун в недоумении уставился на своего друга, так взрослый глядит на ребенка, который решился на то, на что сам взрослый не отважился бы. Но Каспар Колпак, казалось, не испугался грома и молнии, не растерялся при виде недоуменно взирающего на него друга, не говоря ни слова, он стал сдирать шкуру с коровы. Вильм, опомнившись, стал ему подсоблять, но с отвращением, столь же явным, как перед тем было явно, что при его корыстолюбии ему не терпится закончить жертвоприношение. Тем временем разразилась гроза, в горах грохотал гром, над камнем

и мхом ущелья сверкали зигзаги молний, а ветер, еще не добравшийся до этих высот, дико завывал в нижних долинах и на морском берегу. Оба рыбака, пока сдирали шкуру, промокли до костей. Они расстелили шкуру на земле, Каспар завернул в нее своего друга и связал его, как тот ему повелел. Только когда это было сделано, он, бедняга, грустно глядя на своего ослепленного алчностью друга, прервал долгое молчание и спросил дрожащим голосом:

– Что еще могу я для тебя сделать?

– Ничего, – ответил тот, – прощай!

– Прощай! – сказал и Каспар. – Да хранит тебя господь и да простит тебе, как прощаю я!

Это были последние слова, которые Вильм услышал, – Каспар исчез в сгущавшейся темноте. И сразу разразилась ужаснейшая гроза, Вильм никогда еще не слышал такой. Началась она с молнии, при свете которой Вильм увидел не только ближние горы и скалы, но даже, как ему показалось, долину далеко внизу, и вспененное море, и скалистые острова, усеявшие бухту, и среди них ему почудился большой необычного вида корабль без мачт, который быстро скрыла мгновенно наступившая кромешная тьма. Гром гремел оглушительно. С гор срывались огромные, грозящие смертью камни. Дождь лил как из ведра и в одну минуту затопил узкую болотистую долину, вода уже доходила Вильму до плеч; по счастью, Каспар приподнял его и в полусидячем положении прислонил к кочке, не то он бы сразу захлебнулся. Вода подымалась все выше, и чем сильнее напрягался Вильм, чтобы освободиться от опасных пут, тем плотней облегал его коровья шкура. Напрасно звал он Каспара, Каспар был далеко. Взывать о спасении к богу он не смел. Мысль молить о помощи те силы, во власть которых он отдался, приводила его в ужас.

Вода уже заливала ему уши, уже доходила до рта. «Боже, я погиб!» – крикнул он, когда вода залила ему уже все лицо, но в то же мгновение до слуха его долетел шум, как от близкого водопада, и вода сразу схлынула с его лица. Поток проложил себе дорогу между камнями, дождь стал утихать, темное небо чуть посветлело, у Вильма несколько отлегло от сердца, и в душе его снова зародилась надежда. Но хотя он чувствовал себя

обессиленным, как после смертного боя, и страстно желал освободиться от пут, все же цель его отчаянного стремления не была достигнута, и, когда исчезла прямая угроза жизни, его душой вновь овладела яростная алчность. Он был убежден, что добиться своего он может только запасшись терпением и потому лежал смирно, наконец холод и утомление сморили его, и он заснул крепким сном.

Проспал он часа два, из блаженного забытья пробудил его холодный ветер, дувший в лицо, и шум, как от набегающих волн. Небо опять затянулось тучами. Молния, как и при первой грозе, осветила все вокруг, и ему снова почудился чужеземный корабль, на этот раз у самой Стинфольской пещеры, казалось, он повис на гребне высокой волны и вдруг стремительно низвергся в пучину. Непрестанные молнии озаряли море, и Вильм все еще глядел вслед исчезнувшему призраку, как вдруг в долине возник гигантский смерч и с такой силой отшвырнул его к скале, что он потерял сознание. Когда он пришел в себя, непогода уже улеглась, небо прояснилось, но зарницы все еще вспыхивали. Он лежал у подножия гор, обступавших долину, и не мог пошевелиться от слабости. Он слышал затихающий шум прибоя, перемежавшийся с торжественным, похожим на церковное, пением, сначала очень тихим, и Вильм счел, что его обманывает слух. Но пение звучало все снова и снова, оно приближалось, с каждым разом становясь все внятнее. Наконец ему показалось, будто он уловил напев псалма, который прошлым летом слышал на борту голландского рыболовного судна.

Теперь он уже различал отдельные голоса, ему казалось, что он улавливает даже слова именно того песнопения. Голоса раздавались уже в долине, и, когда он с большим трудом подполз к камню и положил на него голову, он действительно увидел процессию поющих людей, надвигавшуюся прямо на него. Горе и ужас запечатлелись на лицах этих людей, с одежды которых, как ему показалось, струилась вода. Теперь они подошли совсем близко, пение прекратилось. Процессию возглавляли поющие, потом шли моряки, а за ними – рослый, величественный мужчина в старомодном, шитом золотом одеянии, он был опоясан мечом, в руке держал длинную крепкую бамбуковую трость с золотым

набалдашником. Слева от него шел негритенок и время от времени подавал своему господину длинную трубку, тот с важным видом делал несколько затяжек и шествовал дальше. Выпрямившись во весь рост, остановился он перед Вильмом, а по обе стороны от него стали другие, менее роскошно одетые мужчины, все держали в руках трубки, но не столь богато украшенные, как та, что негритенок нес за своим хозяином. Дальше разместились остальные, среди них несколько дам – все в дорогих, необычных нарядах; одни держали на руках младенцев, другие вели за ручки детей постарше, шествие замыкала кучка, голландских матросов, у каждого рот был полон табака, а в зубах была зажата коричневая трубка, они курили в угрюмом молчании.

Рыбак с содроганием смотрел на это своеобразное сборище, однако в ожидании того, что должно воспоследовать, бодрился. Долго стояли они, обступив Вильма Коршуна, дым из их трубок собирался над ними в плотное облако, сквозь него мерцали звезды. Кольцо вокруг Вильма все суживалось и суживалось, матросы курили все яростнее и яростнее, от дыма из трубок облако над толпой все сгущалось, становилось все плотней и плотней. Коршун был смелым, бесстрашным человеком, он был готов ко всяким неожиданностям, но когда он увидел, что толпа все ближе надвигается на него, словно собираясь подмять под себя, мужество оставило его, на лбу выступили крупные капли пота, он думал, что умрет от страха. Но можно представить себе, как он перепугался, когда, случайно посмотрев в сторону, увидал у самой своей головы желтого старичка, застывшего в неподвижности, как и в тот раз, когда Вильм увидел его впервые, только теперь, словно насмехаясь над всем сборищем, он тоже держал во рту трубку. На рыбака напал смертельный страх, и он крикнул, обращаясь к главной персоне шествия:

– Именем того, кому вы служите, заклинаю вас, скажите, кто вы? И что вам от меня нужно?

Величественный мужчина с еще более важным видом, чем до того, сделал три затяжки, отдал трубку своему прислужнику и ответствовал до жути невозмутимо:

– Я Альфред Франц ван дер Свельдер, командир амстердамского корабля «Кармильхан», на обратном пути из Батавии затонувшего

со всем экипажем и грузом у этого скалистого берега; вот мои офицеры, вот мои пассажиры, а вот мои храбрые матросы, все потонули вместе со мной. Зачем вызвал ты нас наверх из нашего обиталища на дне морском? Зачем нарушил наш покой?

— Я хочу знать, где лежат сокровища «Кармильхана».

— На дне морском.

— Но где?

— В Стинфольской пещере.

— Как мне их добыть?

— Гусь ныряет за сельдью в морскую пучину, — разве сокровища «Кармильхана» не стоят того же?

— Сколько достанется на мою долю?

— Больше, чем ты сможешь истратить за всю твою жизнь. — Желтый старичок издевательски осклабился, а все сборище громко расхохоталось. — Ты кончил? — спросил командир.

— Да. Будь здоров!

— Всего хорошего, до нового свидания, — отвечив голландец и двинулся обратно, хор снова занял место во главе процессии, и все удалились в том же порядке, в котором пришли, под то же торжественное песнопение, которое по мере их удаления звучало все тише и все невнятнее, и наконец его заглушил шум прибоя.

Теперь Вильм Коршун напрог последние силы, чтобы освободиться от пут, и в конце концов он выпростал одну руку, а с ее помощью развязал стягивающие его веревки, и тогда ему удалось окончательно вылезть из шкуры. Без оглядки поспешил он в свою лачугу и увидал бедного Каспара, без сознания лежащего на полу. С трудом привел он его в чувство, и добряк Каспар расплакался от радости, когда увидел своего друга молодости, которого считал навеки потерянным. Но этот луч радости сразу погас, едва он услышал, какое опасное дело задумал Вильм Коршун.

— Лучше мне попасть в ад, чем и впредь видеть эти голые стены и жить в нищете. Я уйду, все равно, пойдешь ты со мной или нет.

С этими словами Вильм взял факел, огниво и канат и убежал. Каспар со всех ног бросился за ним вдогонку и настиг его на выступе скалы, под которой Вильм в прошлый раз укрывался от

бури. Тот уже собрался спуститься на канате в ревущую морскую пучину. Поняв, что уговаривать этого одержимого бесполезно, Каспар Колпак решил последовать за ним, но Вильм приказал ему остаться на скале и держать канат. Побуждаемый слепой алчностью, Вильм напряг все силы, призвал все свое мужество и спустился в пещеру, где встал на выступ скалы, под которым бушевали черные волны с белой пеной на гребнях. Он озирался, жадно всматриваясь в волны, и наконец узрел как раз под собою что-то блеснувшее в воде. Он положил факел, спрыгнул со скалы, ухватил что-то тяжелое и вместе со своей находкой опять поднялся на выступ скалы. В руках у него был железный ларчик с золотом. Он сообщил Каспару, что он нашел, но не внял мольбам друга удовольствоваться этой находкой и подняться наверх. Он считал, что это первый плод его долгих усилий. Он снова бросился в воду – из морской пучины донесся громкий хохот, и Вильма Коршуна никто больше не увидел. Каспар один вернулся домой, но вернулся туда совсем другим человеком. Его слабая голова и чувствительное сердце не выдержали такого страшного потрясения, он помешался. Все и в доме и в огороде пришло в запустение, днем и ночью бродил он, бессмысленно глядя в землю и вызывая жалость тех, что водили с ним раньше знакомство, а теперь сторонились его. Один рыбак уверял, будто раз бурной ночью видел на берегу среди экипажа «Кармильхана» Вильма Коршуна, и той же ночью исчез Каспар Колпак.

Его тщетно искали повсюду. Он бесследно пропал. Но, по словам предания, его вместе с Коршуном не раз видели среди экипажа волшебного корабля, который с тех пор в определенные дни появляется возле Стинфольской пещеры.

– Полночь давно уже прошла, – сказал студент, когда молодой золотых дел мастер закончил свой рассказ, – теперь, я полагаю, опасность уже миновала, а что до меня, я так хочу спать, что посоветовал бы всем лечь в постель и спокойно уснуть.

– До двух часов утра я бы все-таки подождал, – возразил егерь.

– Недаром говорится: «С одиннадцати до двух – самое воровское время».

– И я так думаю, – заметил мастер, – если они что-то замышляют, то самое разлюбезное время после полуночи. Вот мне

и кажется, что господин студиозус мог бы продолжить свой рассказ, еще далеко не законченный.

– Я не отказываюсь, – согласился студент, – хотя наш сосед, господин егерь, не слышал начала.

– Рассказывайте, рассказывайте, а начало я примыслию! – отозвался егерь.

– Итак, – начал было студент, но его прервал лай собаки.

Все затаили дыхание, прислушались, и тут же из комнаты графини вбежал лакей, он сообщил, что со стороны леса к харчевне подходят десять – двенадцать вооруженных людей.

Егерь схватил ружье, студент пистолет, ремесленники – палки, а возчик вытащил из кармана длинный нож. В нерешительности глядели они друг на друга, не зная, что предпринять.

– Выйдемте на лестницу! – предложил студент. – Мы убьем двух-трех этих мерзавцев, прежде чем они нас одолеют.

Он тут же дал мастеру свой второй пистолет и предложил не стрелять одновременно. Они подошли к лестнице. Студент и егерь как раз заняли всю ее ширину; около егеря, несколько сбоку, стал храбрый мастер и, перегнувшись через перила, направил дуло пистолета на середину лестницы. Феликс и возчик поместились позади них, приготовившись, если придется сражаться один на один, не спасовать. Так в немом ожидании простояли они несколько минут. Затем услышали, что отворилась входная дверь, и уловили, как им показалось, людской шепот.

Теперь стали слышны шаги, к лестнице подошли несколько человек, они уже поднимались вверх, вот на повороте появились трое, надо думать, не ожидавшие встретить такой прием, потому что, как только они обогнули столб, егерь громко крикнул:

– Стой! Ни шагу дальше, если вы дорожите жизнью! Взведите курки, друзья, и цельтесь как следует!

Разбойники испугались, быстро спустились с лестницы и стали совещаться. Через некоторое время один из них вернулся.

– Господа, – сказал он, – неразумно с вашей стороны жертвовать жизнью, ведь нас достаточно, чтобы всех вас уничтожить; отойдите от лестницы; ни одному из вас мы не причиним никакого зла; мы не возьмем у вас ни пфеннига.

– Так чего же вы хотите? – крикнул студент. – Думаете, мы так

и поверили всякому сброду? Нет! Если вам что-нибудь надо, милости просим, но первому, кто покажется на повороте, я всажу пулю в лоб и навсегда излечу его от головной боли!

– Выдайте нам добровольно даму! – ответил разбойник. – Ничего плохого мы ей не сделаем, увезем в надежное и удобное место, людей ее отпустим, пусть едут домой и попросят его сиятельство графа прислать за нее двадцать тысяч гульденов выкупа.

– И мы должны терпеливо выслушивать такие предложения? – скрежеща зубами от гнева, крикнул егерь и взвел курок. – Считаю до трех, и, если ты при слове «три» не уберешься, я нажму на курок, раз, два...

– Стой! – крикнул разбойник громовым голосом. – Разве это дело – стрелять в безоружного человека, который мирно с вами договаривается? И дурак же ты, как я посмотрю, пристрелишь ты меня, подумаешь, какой геройский поступок! Ведь тут двадцать моих сотоварищей, они отомстят за меня. Что пользы твоей графине от того, что вы будете валяться убитые или раненые? Верь мне, если она добровольно пойдет с нами, мы окажем ей должное уважение, но, если ты, пока я досчитаю до трех, не оставишь в покое курок, то ей придется плохо. Оставь в покое курок, раз, два, три!

– С этими собаками шутки плохи! – прошептал егерь, послушавшись приказа разбойника. – Жизнью своей я не дорожу, но если я убью одного из них, они, пожалуй, выместят это на графине. Я пойду, посоветуюсь с ее сиятельством. Объявим на полчаса перемирие, – громко крикнул он разбойнику, – я подготовлю графиню. Она может умереть от столь неожиданного сообщения.

– Согласен, – ответил разбойник и сейчас же велел шестерым разбойникам сторожить внизу, у лестницы.

Мрачно, в полном замешательстве последовали подавленные путешественники за егерем к графине; ее комната была почти у самой лестницы, а переговоры велись так громко, что графиня слышала все до единого слова. Она была бледна и сильно дрожала, и все же она твердо решила покориться судьбе.

– Зачем буду я напрасно рисковать жизнью стольких славных людей? – сказала она. – Зачем буду просить вас о тщетной

защите, когда вы меня совсем не знаете? Нет, я вижу только один выход: согласиться на требование этих презренных негодяев.

Всех глубоко тронули мужество и несчастная судьба графини; егерь со слезами клялся, что не переживет такого позора. Студент негодовал на себя, на то, что он в шесть футов ростом. – Будь я без бороды и хоть на полголовы ниже, – сетовал он, – я бы знал, что делать, я попросил бы у вашего сиятельства платье, и эти презренные негодяи нескоро бы обнаружили свой промах.

И на Феликса несчастье графини произвело сильное впечатление. И внешним и внутренним своим обликом она так трогала, была так близка ему, что он невольно представлял себе, будто перед ним его рано умершая мать и будто это она попала в беду. Он чувствовал такой душевный подъем, такой прилив сил, что охотно бы отдал за нее жизнь. А когда он услышал слова студента, в мозгу у него блеснула мысль; он забыл страх, забыл все опасения и думал лишь о том, как бы спасти графиню.

– Если все дело только в этом, – сказал он, краснея и смущаясь, – если для спасения вашего сиятельства нужны только невысокий рост, безусое лицо и отважное сердце, то, может, пригожусь я? Переоденьтесь в мой кафтан, спрячьте под моей шляпой ваши прекрасные волосы, возьмите за спину мой узел и под видом Феликса, золотых дел мастера, с богом в дорогу.

Все были поражены мужеством юноши, а егерь крепко обнял его.

– Золотой ты мой, – радостно воскликнул он, – так ты правда этого хочешь, хочешь переодеться в платье графини и спасти ее сиятельство? Сам бог внушил тебе эту мысль, но одного тебя я не отпущу, я тоже отдамся разбойникам, останусь с тобой, буду твоим преданным другом, и, пока я жив, они не посмеют обидеть тебя.

– Клянусь жизнью, я тоже не оставляю тебя! – воскликнул студент и заключил юношу в свои объятия.

Графиню пришлось долго уговаривать. Она не могла примириться с мыслью, что посторонний человек ради нее идет на такую жертву; ведь в случае, если в дальнейшем обман обнаружится, разбойники не пощадят несчастного юношу. Но в конце концов она уступила

просьбам Феликса и твердо решила, что, уйдя от разбойников, приложит все старания вызволить своего спасителя. Она согласилась. Егерь и все остальные проводили Феликса в комнату, отведенную студенту, там он быстро переоделся в платье графини, а егерь, в довершение всего, надел ему на голову дамскую шляпу, приколов к ней несколько фальшивых локонов камеристки, и все уверяли, что его не узнать. Даже мастер клялся, что, встретив его на улице, он поспешил бы снять шляпу, так и не догадавшись, что отвесил поклон своему храброму приятелю.

Тем временем графиня с помощью камеристки переоделась в одежду Феликса, лежавшую в ранце. Теперь ее нельзя было узнать, так изменили ее шляпа, надвинутая на самые брови, дорожная палка в руке, ставший несколько менее тяжелым узел за спиной. В другое время все бы от души посмеялись над таким забавным маскарадом. Новоиспеченный ремесленник со слезами на глазах поблагодарил Феликса и обещал приложить все старание, чтобы как можно скорее выручить его из беды.

– У меня еще только одна просьба, – сказал Феликс, – в ранце, что у вас за спиной, лежит футляр, спрячьте его получше, если он потеряется, я всю жизнь буду безутешен; я должен отдать его моей приемной матери и...

– Готфриду, егерю, мой замок известен, – ответила она. – Вы получите все в целости и сохранности, ибо я надеюсь, благородный юноша, что вы сами приедете к нам, в таком случае мой супруг и я могли бы лично выразить вам свою признательность.

Не успел Феликс ответить, как со стороны лестницы послышались грубые голоса разбойников; они кричали, что срок истек и все готово к отъезду графини. Егерь спустился к ним и заявил, что он не покинет ее сиятельства и лучше куда угодно поедет вслед за графиней, нежели без нее предстанет пред очи ее супруга. Студент тоже заявил о своем намерении сопровождать даму. Разбойники посоветовались и в конце концов согласились под тем условием, что егерь сейчас же отдаст свое оружие. Всем остальным было приказано держаться спокойно и тихо, когда будут увозить графиню.

Феликс опустил на лицо вуаль, сел в уголок, склонил голову на руку и в позе глубоко опечаленного человека ждал разбойников. Остальные ушли в соседнюю комнату, но разместились так, чтобы видеть все происходящее. В другом углу той комнаты, где ночевала графиня, сидел егерь, с виду очень грустный, на самом же деле он ничего не упускал из виду. Так просидели они несколько минут, затем отворилась дверь, и вошел красивый прекрасно одетый мужчина, лет тридцати пяти – тридцати шести на вид. Он был в мундире военного покроя, с орденом на груди и длинной саблей на боку, а в руке держал шляпу, с которой свешивались пышные перья. Сейчас же вслед за его приходом двое подчиненных ему разбойников стали на страже в дверях.

С низким поклоном приблизился он к Феликсу; казалось, его смущал предстоящий разговор со столь знатной дамой. Он несколько раз начинал, прежде чем ему удалось складно выразить свою мысль.

– Милостивая государыня, – сказал он, – бывают положения, когда надлежит терпеливо покориться судьбе. Так в данном случае обстоит дело с вами. Не подумайте, что я хоть на минуту позабуду респект, коим обязан столь достойной особе. Вам будут предоставлены все удобства, вам ни на что не придется жаловаться, разве только на страх, пережитый этой ночью. – Тут он умолк, словно в ожидании ответа, но Феликс упорно молчал, и тогда разбойник опять заговорил: – Не считите меня просто вором и душегубцем. Я несчастный человек, вести такой образ жизни меня вынудили превратности судьбы. Мы решили навсегда покинуть здешние края, но на дорогу нужны деньги. Проще всего было бы напасть на купца или на почтовую карету, но тогда мы, возможно, навсегда повергли бы в горе не одного человека. Его сиятельство граф, ваш супруг, полтора месяца тому назад получил наследство в пятьсот тысяч талеров. Мы просим уделить нам двадцать тысяч гульденов, при таком огромном богатстве требование, несомненно, справедливое и скромное. Поэтому будьте так любезны и безотлагательно отправьте незапечатанное письмо вашему супругу, оповещая его, что мы захватили вас и что ему следует возможно скорее прислать нам выкуп, в противном случае... вы меня понимаете, в противном случае мы

будем вынуждены к несколько более суровому обхождению с вами. Выкуп будет принят только при условии строжайшей тайны и если он будет доставлен нам одним-единственным человеком.

Все гости лесной харчевни с напряженным вниманием, а графиня со страхом, следили за этой сценой. Графине все время казалось, что юноша, который пожертвовал собой ради нее, вот-вот себя выдаст. Она твердо решила дать за него большой выкуп, но так же твердо было ее решение не сделать ни единого шага вместе с разбойниками. У Феликса, в кармане его кафтана, она нашла нож. Она судорожно сжимала его в руке, готовая скорее лишиться себя жизни, нежели претерпеть такой позор. Сам Феликс боялся не меньше, чем она. Правда, мысль, что, жертвуя собой ради помощи поставленной в безвыходное положение женщине, он совершает благородный, достойный мужчины, поступок, подкрепляла и утешала его, но он боялся выдать себя походкой или голосом. Страх его еще возрос, когда разбойник потребовал, чтобы он написал письмо.

Как, не выдавая себя, написать письмо, как, в какой форме обратиться к графу?

Но страх его достиг высшей точки, когда атаман разбойников, положив перед ним лист бумаги и перо, попросил его откинуть вуаль и приняться за письмо.

Феликс не знал, сколь к лицу ему наряд, который был на нем, знай он это, он ничуть не боялся бы, что обман будет обнаружен. Ведь когда он откинул вуаль, человек в мундире, пораженный красотой дамы и ее несколько мужественными для женщины чертами, стал глядеть на нее с еще большей почтительностью. От зорких глаз юноши это не скрылось. Успокоившись, что хотя бы в эту минуту не грозит опасность быть узнанным, он взял перо и стал писать своему мнимому супругу по образцу письма, которое как-то прочитал в одной старинной книге. Он писал:

«Мой господин и супруг!

Меня, несчастную женщину, похитили ночью в пути люди, в добрые намерения которых я не верю. Они не отпустят меня, пока Вы, мой супруг, не внесете за меня выкуп в двадцать тысяч гульденов.

Их условия следующие: Вы ни в коем случае не должны подавать жалобы властям и не искать их помощи; деньги надлежит послать через одного-единственного человека в лесную харчевню в Шпессарте, в противном случае мне грозит более длительный срок пребывания в их руках и более суровое обхождение.

Вас умоляет о наискорейшей помощи Ваша несчастная супруга».

Феликс протянул это письмо атаману разбойников, тот прочитал его и одобрил.

— Теперь зависит всецело от вас, кого вы пожелаете оставить при своей особе — камеристку или егеря. Другого я пошлю с письмом к его сиятельству графу, вашему супругу.

— При мне останутся егерь и этот господин, — ответил Феликс.

— Хорошо, — согласился разбойник, он подошел к двери и позвал камеристку. — Так, а теперь разъясните этой женщине, что ей следует делать.

Дрожащая от страха камеристка вошла в комнату. И Феликс побледнел при мысли, как легко он может сейчас себя выдать. Но в такие опасные минуты ему придавало силы непонятно откуда бравшееся мужество, и сейчас оно тоже подсказало ему, что говорить:

— Я поручаю тебе только одно — попросить графа как можно скорей выручить меня из этого ужасного положения, — сказал он.

— Кроме того, — прибавил разбойник, — как можно настоятельнее и определеннее порекомендуйте его сиятельству молчать и не предпринимать никаких шагов против нас, пока его супруга не вернется к нему. Наши лазутчики безотлагательно обо всем сообщат нам, и тогда я ни за что не ручаюсь.

Перепуганная камеристка обещала, что выполнит все в точности. Ей было еще приказано атаманом достать и связать в узел несколько платьев и кое-какое белье для графини, взять с собой много багажа они не могут. Когда это было сделано, атаман, с низким поклоном, пригласил даму следовать за ним. Феликс встал, егерь и студент тоже поднялись и в сопровождении атамана разбойников все трое сошли вниз.

Перед заезжим домом стояло много лошадей; одна предназначалась для егеря, другая, красивая лошадка под дамским седлом, была приготовлена для графини, третью дали студенту. Атаман поднял

юного мастера в седло, крепко подтянул подпругу, затем сам сел на коня. Он занял место по правую руку от графини, по левую – другой разбойник. И к егерю и к студенту был приставлен такой же конвой. Затем остальные разбойники вскочили в седла, и атаман резким свистом дал сигнал к отправке.

Вскоре шайка исчезла в лесу.

Оставшиеся после их отъезда в комнате наверху понемногу оправились от страха. Возможно, они бы даже повеселели, как это обычно бывает по миновании большого несчастья или внезапной опасности, если бы не думы о трех их товарищах, которых увезли у них на глазах. Они не могли надивиться на Феликса, растроганная графиня проливала слезы умиления при мысли, сколь многим она обязана этому до сего дня незнакомому ей человеку, которому она не сделала ничего хорошего. Утешало всех то, что с Феликсом отважный егерь и храбрый студент, что есть кому его поддержать, когда его одолеет тоска. Им даже приходило в голову, что егерь, человек изобретательный, может, придумает, как устроить побег. Они посоветовались, что делать дальше. Графиня, не связанная честным словом с разбойниками, решила незамедлительно ехать домой, к супругу и приложить все усилия, чтобы отыскать местопребывание увезенных разбойниками и вызволить их; возчик обещал сейчас же, как приедет в Ашафенбург, обратиться в суд с просьбой о преследовании разбойников, а мастер хотел продолжать свое странствие.

Остаток ночи их никто больше не беспокоил. В харчевне, где только что разыгрались столь страшные события, царила мертвая тишина. А утром слуги графини, спустившиеся к хозяйке, чтобы приготовить все к отъезду, тут же вернулись назад и сказали, что хозяйка и челядь лежат на полу связанными и молят о помощи.

Это известие всех удивило.

– Как? – воскликнул мастер. – Выходит, что эти люди ни в чем не повинны? Выходит, мы возвели на них напраслину, они не заодно с разбойниками?

– А я говорю, пусть меня вместо них вздернут на виселицу, если мы были неправы, – возразил возчик. – Все это один обман, чтобы их нельзя было уличить. Вы что, позабыли, как

подозрительно вела себя хозяйка? Позабыли, как я хотел сойти вниз, а меня не выпустила вышколенная собака и тут же явилась хозяйка с работником и сердито спросила, чего мне надо? Но должен сказать, это еще оказалось для нас счастьем, особенно для ее сиятельства графини! Не будь харчевня так подозрительна, не внуши нам хозяйка такого недоверия, мы бы разошлись по комнатам и легли спать. Разбойники напали бы на нас спящих, во всяком случае, сторожили бы у наших дверей, и славному нашему юноше невозможно было бы превратиться в графиню!

Все согласились с мнением возчика и решили донести властям на хозяйку и работников. Но, чтобы те ничего не заподозрили, договорились не подавать виду, будто они о чем-то догадываются. Возчик с лакеями сошли в трактир, развязали укрывателей разбойников и постарались выказать им возможно больше сочувствия и сожаления. Чтобы гости остались довольны, хозяйка взяла с них очень дешево и пригласила почаще заезжать к ней.

Возчик оплатил свой счет, распрощался с товарищами по несчастью и уехал. Затем пустились в путь оба ремесленника. Как ни легок был узелок золотых дел мастера, все же для изнеженной хрупкой дамы он был обременителен. Но еще тяжелей стало у нее на душе, когда преступная хозяйка заезжего двора протянула ей на прощание руку.

— Ах, до чего же вы еще молоды, — воскликнула она, взглянув на хрупкого юношу, — так молоды и уже странствуете по свету! Видно, вы зелье порядочное, и мастер прогнал вас. Ну, да какое мне дело, на обратном пути милости просим ко мне в харчевню!

Графиня дрожала от страха и не решалась ответить, боясь, как бы ее не выдал нежный голос. Мастер это заметил, взял под руку своего товарища, попрощался с хозяйкой и, весело напевая, зашагал к лесу.

— Только теперь миновала опасность! — с облегчением вздохнула графиня, когда они отошли шагов на сто. — Я все время боялась, что трактирщица меня узнает и велит своим работникам задержать. О, как мне хочется всех вас отблагодарить! Приходите и вы тоже ко мне в замок, там и дожидайтесь своего

попутчика.

Мастер согласился, и, пока они разговаривали, их догнал графинин дормез; дверцу быстро открыли, графиня впорхнула в карету, еще раз кивнула ремесленнику, и карета укатила.

А разбойники вместе с пленниками тем временем достигли своего притона. Они быстрой рысью проехали по непроторенным лесным тропам, с пленниками они не разговаривали, да и между собой только изредка, на каких-то поворотах тропы, перешептывались. Наконец они остановились у глубокого оврага. Разбойники спешили, атаман поднял из седла золотых дел мастера, извинился за быструю и трудную езду и спросил, не очень ли она утомила ее сиятельство.

Феликс ответил как мог жеманнее, что ему хотелось бы отдохнуть, и атаман предложил ему руку и помог сойти в овраг. Спускаться надо было по обрывистому склону, тропа была узкая и крутая, и атаману не раз приходилось поддерживать свою даму, чтобы не дать ей упасть. Наконец они дошли до низу. При чуть брезжащем свете наступающего утра Феликс увидел узкое и недлинное ущелье, не больше сотни шагов в окружности, зажатое между высоко вздымающимися отвесными скалами. Шесть – восемь жалких хижин, сколоченных из досок и неотесанных бревен, жались одна к другой на дне обрыва. Из этих нор с любопытством выглянули несколько женщин; свора больших собак и их многочисленное потомство с лаем и визгом окружила пришедших. Атаман проводил мнимую графиню в лучшую из хижин и сказал, что хижина предоставлена исключительно в ее распоряжение; по просьбе Феликса он разрешил, чтобы к графине были допущены егерь и студент.

Хижина была устлана оленьими шкурами и циновками, которые одновременно служили и для покрытия пола, и для сидения. Несколько кружек и мисок, выточенных из дерева, старое охотничье ружье и в самом дальнем углу сколоченный из досок и прикрытый шерстяными одеялами одр, который и кроватью-то не назовешь – вот все убранство этого графского дворца. Только теперь, оставшись одни в этой жалкой хижине, трое пленников могли поразмыслить о том необычном положении, в которое попали. Феликс, хотя он ни на минуту не раскаивался в своем

благородном поступке, все же со страхом думал об ожидающей его участи, буде обман обнаружится, и хотел уже облегчить душу громкими жалобами. Но егерь шепнул ему на ухо:

– Бога ради, потише, милый, неужели ты думаешь, что нас не подслушивают?

– Каждое твое слово, каждая фраза могут вызвать у них подозрение, – прибавил студент.

Бедному Феликсу оставалось одно – молча поплакать.

– Верьте мне, сударь, – сказал он, – я плачу не потому, что боюсь разбойников, не потому, что меня страшит жизнь в этой жалкой лачуге; нет, меня гнетет совсем другая печаль. Ведь графиня так легко может позабыть то, что я только мимоходом успел ей сказать, и меня, чего доброго, сочтут вором, тогда я до конца дней своих буду несчастен.

– Но что тебя так пугает? – спросил егерь, которого удивило поведение юноши, до того державшегося так храбро и стойко.

– Выслушайте меня, и тогда вы скажете, что я прав, – ответил Феликс. – Мои отец был искусным ювелиром, а мать до замужества служила в камеристках у одной знатной особы, и когда она выходила за моего отца, графиня, у которой она была в услужении, дала ей отличное приданое. Графиня всегда очень благоволила к моим родителям и, когда я появился на свет, стала моей крестной и щедро одарила меня. А когда вскоре мои родители один за другим умерли от повальной болезни и я остался как перст один, меня уже собирались отправить в сиротский приют; моя крестная мать, узнав о постигшем нас горе, приняла во мне участие и поместила в закрытую школу, а когда я подрос, она написала мне и спросила, не хочу ли я изучить отцовское ремесло. Я с радостью согласился, вот она и отправила меня в Вюрцбург на выучку к золотых дел мастеру. Учение пошло мне впрок, и скоро я получил от мастера аттестат и уже мог снаряжаться в странствие. Я написал моей крестной, она тут же ответила, что даст мне деньги на странствие. Вместе с письмом она прислала драгоценные камни и пожелала, чтобы я сделал ей ожерелье, вставив камни в красивую оправу, и в доказательство своего искусства самолично доставил ей ожерелье и получил из ее рук дорожные деньги. Свою крестную я никогда

не видел, вы понимаете, как я был счастлив. Я работал не покладая рук над оправой, и ожерелье вышло такое изящное и красивое, что сам мастер ему дивился. Я аккуратно спрятал его на самое дно ранца, попрощался с мастером и пошел той дорогой, что вела в замок моей крестной матери. И вдруг, – продолжал он, заливаясь слезами, – пришли эти гадкие люди и разбили мои надежды. Ведь если ее сиятельство графиня потеряет ожерелье или позабудет то, что я ей сказал, и выбросит мой плохонький ранец, как я тогда предстану пред глубоко мной чтимой крестной? Чем докажу свое умение? Как возьму камни? И дорожные деньги тогда тоже потеряны, а я окажусь неблагодарным, раз я так легкомысленно отдал доверенное мне добро. Да и кто поверит моему рассказу о таком необычном происшествии?

– Ну, об этом не беспокойтесь! – возразил егерь. – Не думаю, чтобы графиня потеряла ожерелье, а ежели и потеряет, то, конечно, возместит его стоимость своему спасителю и подтвердит, что так действительно было. Теперь мы на некоторое время покинем вас, ведь нам действительно надо поспать, а после волнений этой ночи и вы тоже нуждаетесь в отдыхе. А потом постараемся хоть ненадолго позабыть за разговорами о приключившейся с нами беде или, что еще того лучше, подумаем о бегстве.

Они ушли. Феликс остался один и попробовал последовать совету егеря.

Когда, несколько часов спустя, егерь со студентом вернулись, их юный друг, казалось, прибодрился и повеселел. Атаман, по словам егеря, поручил ему всячески заботиться о даме и обещал прислать одну из тех женщин, что они видели у хижин, она принесет ее сиятельству кофе и спросит, чем может ей служить. Боясь, что женщина будет для них помехой, они предпочли отказаться от этого любезного предложения, и когда старая безобразная цыганка подала завтрак и, ухмыляясь, спросила, не нужны ли еще какие услуги, Феликс махнул рукой, чтоб она уходила, но она все еще мешкала, и егерь выпроводил ее за дверь. Затем студент рассказал, что еще они видели в разбойничьем овраге.

– Лачуга, которую отвели вам, очаровательная графиня, – сказал он, – первоначально предназначалась для атамана. Она не так велика, но зато лучше остальных; не считая вашей, здесь их еще шесть. В них живут женщины и дети. Разбойников дома редко бывает больше шести человек зараз. Один стоит на страже недалеко отсюда, другой у тропы, что ведет наверх, а третий караулит у спуска в ущелье. Каждые два часа их сменяют трое других. При каждом из них еще две большие собаки, такие чуткие, что нельзя и шагу ступить из лачуги, они тут же поднимут лай. У меня нет надежды, что нам удастся сбежать.

– Не нагоняйте на меня тоску, поспав я приободрился, – сказал Феликс. – Не теряйте надежды, а если вы боитесь, что нас подслушивают, то поговорим лучше о чем-нибудь другом и не будем огорчаться заранее. Господин студент, вы не дорассказали той истории, что начали на заезжем дворе, так доскажите ее до конца тут, благо времени у нас хватит.

– Что-то я не припомню, о чем шла речь, – заметил студент.

– Вы рассказывали предание о холодном сердце и остановились на том, что хозяин и другой игрок вытолкали Петера-угольщика за дверь.

– Так, теперь я вспомнил, – сказал студент. – Ну, если вам охота услышать, что было дальше, я готов досказать.

[Холодное сердце. Часть вторая](#)

